

Натсак Органа Доржуевна

кандидат философских наук,
главный научный сотрудник
Тувинского института гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва

**АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ
И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА
В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКЕ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛИЗАЦИИ
ТУВИНСКИХ ЖЕНЩИН**

Аннотация:

В статье рассмотрены вопросы антирелигиозной и внутривнутриполитической борьбы в Тувинской Народной Республике, которая как самостоятельное государство просуществовала с 1921 по 1944 гг. В первые годы сильное влияние в республике имел буддизм, поэтому ламы представляли серьезную угрозу для тогдашней власти. С 1929 г. с ними началась борьба, важную роль в которой играла Тувинская народно-революционная партия, руководившая в своей работе инструкциями Коминтерна. В статье на примере социализации и эмансипации тувинских женщин, которые составляли практически половину взрослого населения, показано, как велась антирелигиозная борьба. Сделан вывод о том, что женщины были потенциальным трудовым ресурсом, который нужно было вовлечь не только во внутривнутриполитическую борьбу, но и в экономическую деятельность. В этой связи борьба шла со всем, что могло сдерживать процессы социализации и эмансипации тувинских женщин, в том числе с буддийскими ламами и религией.

Ключевые слова:

Тувинская Народная Республика, буддизм, ламы, антирелигиозная борьба, тувинские женщины, социализация, эмансипация

Natsak Organa Dorzhuevna

PhD, Chief Researcher,
Tuvan Institute of Humanities
and Applied Social and Economic Research
under the Government
of the Republic of Tuva

**ANTI-RELIGIOUS AND INTERNAL
POLITICAL STRUGGLE
IN THE TUVAN PEOPLE'S REPUBLIC
IN THE CONTEXT
OF SOCIALIZATION
OF TUVAN WOMEN**

Summary:

The paper deals with the issues of anti-religious and internal political struggle in the Tuvan People's Republic, which existed as an independent state from 1921 to 1944. In the first years, Buddhism had a strong influence in the Republic, so the lamas were a serious threat to the then government. Since 1929, a struggle began with them, in which the Tuvan People's Revolutionary Party played an important role, guided in its work by the Comintern's instructions. Using the example of socialization and emancipation of Tuvan women, who made up almost half of the adult population, the paper shows how the anti-religious struggle was waged. It is concluded that women were a potential labor resource that needed to be involved not only in the internal political struggle, but also in economic activities. In this regard, the struggle was against everything that could hinder the processes of socialization and emancipation of Tuvan women, including Buddhist lamas and religion.

Keywords:

Tuvan People's Republic, Buddhism, lamas, anti-religious struggle, Tuvan women, socialization, emancipation

Наиболее полными исследованиями по истории буддизма в Туве с большой источниковой и фактологической базой являются работы М.В. Монгуш и О.М. Хомушку [1]. В них анализируется роль буддизма в тувинской культуре, его взаимодействие с традиционными верованиями тувинцев, распространение морально-этических ценностей буддизма, проникновение буддизма в обряды жизненного цикла тувинцев. Вместе с тем не до конца изученным вопросом в тувинской историографии является антирелигиозная борьба во внутривнутриполитической повестке, особенно антирелигиозная идеологическая работа среди женщин. История «раскрепощения» тувинских женщин исследуется в работах Ю.Л. Аранчына, З.Ю. Доржу, Г.А. Забелиной [2], однако вопрос антирелигиозной и внутривнутриполитической борьбы в контексте социализации тувинских женщин практически не освещается.

В начале XX столетия Тува, именуемая в дореволюционных российских документах Урянхайским краем, становится объектом политической борьбы разных сил и государств. До 1912 г. эта территория входила в состав Цинской империи. После Синьхайской революции в Китае в 1911 г. и последовавшей за ней национально-освободительной борьбы в Монголии Тува также сумела освободиться от господства китайцев. В 1914 г. она была принята под протекторат царской России. Под влиянием Октябрьской революции 1917 г. в Туве также произошла национальная революция, и в 1921 г. было провозглашено самостоятельное государство – Тувинская Народная Республика (Народная Республика Танну-Тува), которая просуществовала в таком статусе до вхождения в состав СССР в октябре 1944 г.

За время существования Тувинской Народной Республики (ТНР) вопрос положения женщины и ее роли в религиозных вопросах эволюционировал от подчиненного объекта до полноправного субъекта борьбы с религией в контексте достаточно быстрой трансформации отношений государства и религии, изменения социальной роли и ранга, статуса лам, а также принципов политической стратификации. Тувинские женщины, несмотря на достаточно высокий статус в семье, до провозглашения самостоятельного тувинского государства не имели доступа к образованию, т. к. монастырское образование было сугубо мужским, не имели возможности участвовать в государственных делах и заниматься наемным трудом.

Первая Конституция ТНР, принятая в 1921 г., предоставила тувинским женщинам полноту прав, в том числе политических, однако они не могли воспользоваться ими в силу тотальной безграмотности и традиционных устоев, согласно которым должны были заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей. Перед Тувинской народно-революционной партией (ТНРП) стояла задача не только социализировать женщин через ликвидацию безграмотности, просветительскую работу, вовлечение в экономическую деятельность, но и вывести их из-под влияния религии и буддийских лам.

Следует отметить, что буддийские ламы в дореволюционный период и первые годы самостоятельного тувинского государства представляли собой образованную, достаточно мобильную в сношениях с монгольскими и тибетскими центрами буддизма социальную группу, которая также была политически активной в ведении переговоров с русскими, монголами и китайцами [3]. Тувинские ламы имели властные амбиции. Например, Камбы-лама (Хамбо лама) Лубсан Чжамцо, получивший титул «Бандидо-Хамбо», в своем выступлении 3 июля 1919 г. на совещании с участием управляющего по делам Урянхайского края А.А. Турчанинова заявил: «Участие лиц духовных в делах управления желательно, потому что большинство из духовных лиц интеллигентные, могущие продуктивно работать на пользу народа и государства... За последнее время народ мельчает, стали ссориться, интеллигентных людей нет, а потому желательно участие духовенства в делах административного управления» [4].

В этом контексте не является случайным тот факт, что в состав первого тувинского правительства вошли лица с буддийским образованием. При этом положение религии и духовенства в первые годы независимого тувинского государства было достаточно защищенным. Об этом свидетельствует, например, «Закон о привлечении к судебной ответственности» 1923 г. Пункт 57 данного закона гласил: «В местах проведения религиозных мероприятий и ритуалов, если кто скажет, что это не нужно, и будет сквернословить, показывать пренебрежение, того человека заключить в тюрьму на 6 месяцев» [5]. Таким образом, закон требовал уважительного отношения к религиозным действиям. Кроме того, пункт 58 указывал на недопустимость посягательств на монастырское имущество: «В любом монастыре религиозные и ритуальные принадлежности можно считать для учета, однако не допускается отбирать лишнее силой и через устрашение» [6].

В 1928 г. в Туве прошел первый буддийский съезд, целью которого была адаптация буддизма к новой идеологии и политической реальности. Были приняты решения, которые способствовали увеличению количества монастырей и духовных лиц. Главным было принятие в мае 1928 г. закона, в соответствии с которым буддизм получил в ТНР статус государственной религии, а антирелигиозная пропаганда была запрещена.

Однако отношение к религии и ламам меняется в силу обострения внутривнутриполитической ситуации, борьбы между правыми и левыми, направляющей роли Коминтерна в ведении классово-вой борьбы. Так называемый «ламский вопрос» был поднят на VIII съезде ТНРП в 1929 г. Согласно принятой практике Восточный секретариат Коминтерна заблаговременно направил инструктивное письмо, в котором была дана рекомендация применять чрезвычайно осторожный подход при его разрешении. Основной линией партии в этом вопросе было внесение политической дифференциации в среду ламства. «Наряду с решительной борьбой контрреволюционной ламской верхушкой, необходимо добиваться привлечения на сторону народного правительства ламских низов. В частности, необходимо ослабить ставки налога, падающие на низшие слои лам за счет увеличения тягот с наиболее богатых и враждебных нам теократов» [7, с. 4].

Таким образом, была поставлена задача организовать раскол среди духовенства, выделяя высших и низших по статусу и имущественному признаку. Следует отметить, что на самом деле в Туве не было реальной теократии в отличие от Монголии, где Богдо-геген Жавзан-Дамба-хутухта, «живой бог» монголов, в 1911 г. возглавил монгольское феодально-теократическое государство и вплоть до своей смерти в 1924 г. возглавлял формально Монголию, а во главе правительства в 1921 г. стояли ламы Бодо, Жалханз-хутухта и др.

Перед VIII съездом в Туве была проведена серьезная политическая чистка не только ТНРП, но и Тувинского революционного союза молодежи (ТРСМ). В июле 1929 г. была разработана ин-

струкция, на кого нужно обратить внимание в первую очередь. Это были «неправедные по отношению к революции члены партии: пережитки старого времени, эксплуататоры, как нояны и чиновники, баи, ламы, взяточники, вредители государственного имущества, активные руководители восстания на Хемчике, тяготеющие к Монголии феодалы» [8, с. 1]. Особое внимание следовало обратить на лам: «Нужно хорошо проверять членов партии, которые ранее были ламами, выявлять, проверять их, их отношение к нынешнему государству, отношение к прежним ламским делам, отказались ли от прежних взглядов, целей, стремятся ли к общественным делам, установить реальные связи с народом» [9]. Инструкцию обсудили и утвердили 17 июля на II совместном заседании Центрального комитета (ЦК) и Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ТНРП. Было решено начать работу с 20 июля [10]. Таким образом, перед съездом была проделана работа для вывода партии из-под влияния духовенства. В результате чисток было выведено из состава партии 1 098 человек, практически половина действующего состава (48 %) [11, с. 76].

На самом съезде, который прошел с 20 октября по 10 ноября 1929 г. и стал переломным в борьбе между правыми и левыми, выступил с обширным докладом по вопросам образования и культуры С.К. Тока, который на тот момент исполнял обязанности министра культуры ТНР и был впервые выдвинут в высший состав руководства партии (фактически страны, поскольку именно партия по политическому весу была главной силой), он стал членом Политбюро и вторым секретарем ЦК ТНРП.

С.К. Тока в своем докладе [12] указал на то, что в ТНР наблюдается сильное отставание в развитии образования и культуры: «Не имеем своей письменности, не смогли развить культуру, образование. Людей, знающих монгольскую письменность в тувинском государстве – 0,5 %. Практически нет женщин, которые знают эту письменность. Грамотными являются представители класса феодалов и лам. Очень мало людей со специальным образованием. Помимо этого, народ слишком связан с религией, монастырей 22, количество лам достигает 2 тысяч человек». Это выступление было фактически антирелигиозным. В нем содержалась критика по поводу того, что среди народа не проводилась обширная разъяснительная работа по борьбе с феодалами и ламами, что ламы, привыкшие эксплуатировать людей, держа их в темноте и суеверии, будут пытаться чинить препятствия и мешать развитию. С.К. Тока обратился к участникам съезда с прямым призывом бороться с невежественными религиозными учениями.

Остракизму была подвергнута не только суть религиозного учения, тормозящего культурное развитие тувинского народа, и ламы как носители контрреволюционных идей, но и тибетская медицина. Причины распространенности среди народа венерических и глазных болезней, как было отмечено в докладе, заключаются в отсталости, невежестве, плохом санитарно-гигиеническом состоянии народа. Помимо этого, «ламы неправильно лечат, обманывая людей посредством тибетской медицины. Важно внедрять здесь европейскую медицину, с научно доказанной эффективностью, нужно открывать больницы. Тибетское врачевание устарело, и является темным и невежественным» [13]. За съездом последовало принятие новой программы ТНРП, где описывалось будущее устройство тувинского государства и все меньше места отводилось религии.

В программе ТНРП 1929 г. в третьем разделе, посвященном государственному управлению, религии и просвещению, была задекларирована задача «уничтожить темные пережитки старых традиций в управлении государством, внедрять новые революционные привычки. 25 пункт, отделить религию от государства» [14, с. 15]. Это решение было направлено на лишение буддизма официального статуса, но полного запрета исповедовать его указанная программа пока не содержала. Было сказано, что «верить – личное дело каждого человека» [15]. Кроме того, пункт 37 содержал задачу отделения монастырских школ от государственных.

В 1930 г. борьба за снижение социально-политической роли буддийской религии продолжалась в контексте антагонизма правых и левых. На VII Великом Хурале ТНР, прошедшем с 4 по 18 ноября 1930 г., правительство отчиталось о проведенной работе, в том числе по «ламскому вопросу». «Во весь период своего руководства страной правые всеми возможными способами защищали ламаистскую религию, сделали ее государственной религией. Нынешнее правительство одинаково относится ко всем, вне зависимости от того, какой религии придерживается человек. Это личное дело людей верить или не верить. Уничтожили уже те явления, когда государство помогало одной какой-либо религии или придерживалось ее. Также в государстве прекратили использование тибетской медицины. Ограничили возраст становления ламой – не моложе 18 лет. В соответствии с этой политикой отделили религию от государства. Для вовлечения в экономику и хозяйство лам низкого статуса и уничтожения эксплуататорского положения высшего духовенства, паразитизма храмов и монастырей: 1. лишили лам высшего класса права избирать и быть избираемым; 2. лишили лам высокого класса, проживающих в монастырях, права на землепользование; 3. обложили лам высокого класса и монастыри, храмы специальным налогом» [16, с. 24–25].

Ламы были объявлены врагами революции, представителями интересов мирового империализма, но пока не врагами народа. Высшее духовенство обвинили в вооруженном мятеже на Хемчике 1930 г. «С этой точки зрения они являются действительными врагами революции, а также представителями мирового империализма, примером этого является тот факт, что ламы отправляли своего человека к представителю британских империалистов Колчаку в Сибирь» [17]. Также было внесено предложение об обложении богачей и лам, достигших возраста военной службы, специальным военным налогом.

С учетом вышесказанного можно сделать вывод о том, что рекомендации Восточного секретариата Коминтерна по дифференциации внутри духовенства, использованию инструментов экономического давления на хозяйственную деятельность лам высокого статуса последовательно исполнялись в Туве; также была реализована программа ТНРП 1929 г. в части отделения религии от государства. Посредством партийно-политических чисток и лишения избирательных прав духовенству был закрыт доступ к каналам вертикальной мобильности через партию, политическому участию через выборы. Это означало, что в плоскости политической конкуренции буддийские ламы все еще представляли опасность. Возрастное ограничение приема в монастыри также подрывало социальную базу расширения духовенства.

Масштабы партийно-политических чисток, исключение из политической активности буддийского духовенства и последовавшие затем политические репрессии требовали замены человеческих ресурсов партии, включения в хозяйственно-экономическую жизнь тувинского государства новых сил. Полагаем, что именно это повлекло за собой целенаправленное вовлечение в ряды партии, государственные дела и экономическую деятельность бедных слоев населения и женщин. Они представляли собой социально-демографический потенциал, который нужно было образовывать, просвещать и готовить для замены «врагов революции», позже «классовых врагов», «агентов империализма», которых исключали из активной политической деятельности. Также на это влияла малочисленность народа. В момент создания государственности в 1921 г. в Туве проживало 63 тыс. человек, тувинцев – 50 тыс. По данным Тувинской сельскохозяйственной и демографической переписи населения 1931 г., в стране насчитывалось 64911 тувинцев – 31 337 женщин и 33 574 мужчины [18, с. 5].

Составлявшие почти половину населения тувинские женщины получили полноту гражданских и политических прав, однако в реальности воспользоваться ими не могли из-за практически тотальной безграмотности. В этом вопросе идеологическая работа велась таким образом, что именно буддизм являлся детерминирующим фактором отсталости тувинских женщин. Следовательно, их нужно было выводить из-под влияния лам. Под лозунгами решения женского вопроса, просвещения и эмансипации женщин подрывалась социальная база ламства, более того, женщины должны были стать активными участниками антирелигиозной борьбы.

В 1930 г. в Кызыле состоялось первое всетувинское организационное собрание женщин и активисток, на котором были заслушаны доклады о задачах работы среди женщин в соответствии с решениями VIII съезда ТНРП. В пункте 9 постановления, принятого по итогам собрания, было указано: «Самая основная задача состоит в том, чтобы отделить женщин от темных, невежественных, лживых учений остатков феодалов из прошлого, духовенства, богачей, которые составляют правый уклон, направленных на то, чтобы сбить женщин с революционного пути партии и правительства, от культуры и образования, как и в прежние времена, обречь их на отсталость. Надо активно и открыто подвергать критике эти явления и без промедления и препятствий бороться с этими явлениями» [19, с. 10].

На собрании была озвучена идея о том, что тувинские женщины «должны наравне с мужчинами внести свой вклад и помогать революционным силам бороться с невежественным и темным религиозным учением, препятствующим развитию общества, обрекающим людей в невежество и отсталость. А задачей каждого человека должна стать борьба с вредным влиянием феодалов, лам, баев, тех, кто всегда эксплуатировал и угнетал тувинских женщин» [20]. Идеологическая логика заключалась в том, что феодалы, ламы, правые уклонисты разными способами, в том числе через распространение слухов, препятствовали проникновению женщин в руководство партии, следовательно, все бедняцко-средняцкие женщины должны объединиться и включиться в борьбу с классовыми врагами, стать помощниками партии и ТРСМ [21].

Более подробно система антирелигиозных аргументов была выстроена в методической книге Д. Найдановой «План работы среди женщин и задачи партии», изданной в Кызыле в 1931 г. В разделе «Женщинам о борьбе с религией» в достаточно упрощенном виде, но аргументированно, в отличие от декларативных утверждений о вреде религии, которые встречаются в документах ТНРП, излагался идеологический конструкт, который должен использоваться в разъяснительной работе. Женщин нужно было убедить в том, что «желтая религия является оружием угнетения и эксплуатации класса бедных, защищает интересы класса богатых, что ламаистская

религия – противник революционного процесса, большая сила черных феодалов, что ламаистская религия в Монголии, Туве, Бурятии была проводником интересов Китая, Тибета, инструментом внешней политики Китая» [22, с. 28].

С точки зрения грубого материализма, буддизм назывался пустым, сеющим среди женщин суеверные, темные традиции учением, а буддийская космология о чистом мире и преисподней – учением о мирах, невидимых глазу, т. е. тем, что невозможно постичь органами чувств. Основная цель религии – обман, оболванивание, эксплуатация и угнетение простых людей, которые не знают причинно-следственных связей и правил. «Поскольку это вредное и ложное учение, религию, бурханов, лам нужно уничтожать с корнями. Ламы безжалостно угнетали простых скотоводов и рабочих, будучи причиной их отставания в развитии, именно по этой причине сейчас они стремятся уничтожить революционный процесс. Ламы, придерживаясь старых взглядов, привыкшие запутывать людей пустыми словами, бездоказательным учением, сейчас препятствуют новому времени» [23].

Для эмоционального воздействия на женщин говорилось о том, что ламы, нойоны выдавали замуж 18-летних (и даже младше) дочерей бедных аратов за стариков, которым было уже 60–70 лет и которые часто избивали своих молодых жен. «По учениям лам женщины должны были почитать своего мужчину и отца. Ламы их пугали тем, что если они не будут так себя вести, то в будущем они отправятся в пропасть с 18 опасностями. Чтобы бороться с религией, важно понимать, какой она была до революции и сейчас с точки зрения положения народа. Наши женщины, сравнивая свое собственное положение до революции и сейчас, должны прямо и смело бороться со старыми нойонами, богачами, ламами и шаманами» [24].

Антирелигиозная задача была поставлена и перед ТРСМ, о чем шла речь на V съезде Революционной Трудовой Партии в 1931 г. И это не случайно: молодые парни и девушки более энергичны, радикальны и менее связаны с устоявшимися в обществе традициями, ценностями, обычаями, склонны бросить вызов иерократической системе. От активной тувинской молодежи ожидали активной борьбы с религией и разъяснительной работы о вреде религии [25, с. 16–17].

К этому времени Тува уже имела национальную письменность на основе латинского алфавита (введена в 1930 г.), появилась возможность массово обучать женщин, особенно молодого возраста, тувинской грамоте, отпала необходимость изучать монгольскую грамоту, которой преимущественно владели ламы и бывшие феодалы. Введение национальной письменности и отказ в официальных документах от монгольского языка был политическим вопросом. В изданной в 1964 г. «Истории Тувы», редактором которой стал С.К. Тока, писалось о деструктивной роли феодалов и лам в распространении тувинской письменности. «Введение национальной письменности вызвало яростное сопротивление классовых врагов феодалов и лам. Например, в Качык сумоне открылась школа по изучению родной письменности, феодалы распустили слухи о том, что в прежние времена на том же месте была монгольская школа, все учащиеся которой погибли, и что такая же участь ожидает и тех, кто хочет изучать новую грамоту. С целью удержать в невежестве женщин-тувинок феодалы и высшие ламы пытались их запугать, заявляя, что изучение грамоты запрещается буддийским учением: оно вызывает бесплодие у женщин и вредно для беременных» [26, с. 176–177].

В связи с изменениями в международной обстановке (военной активностью Японии в Манчжурии) Восточный секретариат Коминтерна направил письмо IX съезду ТНРП. Исходя из международной ситуации, были выделены угрозы и вызовы для ТНР: «Захват Манчжурии японцами угрожает Монгольской Народной Республике. Угроза порабощения Монголии является в то же время угрозой порабощения Тувинской Народной Республики и превращения трудящихся аратов, строящих свое народное хозяйство и национальную культуру, непрерывно поднимающих свое материальное благосостояние, в рабов японского империализма. Опасность интервенции вызовет оживление надежд клерикально-феодалских реакционных сил в Туве, которые являются внутренним резервом интервенционистов. Все это требует особой бдительности трудящихся Тувы» [27, с. 2].

Этим письмом фактически был указан потенциальный «внутренний враг» и «резерв интервенционистов» – ламы и бывшие феодалы. Следовало ожидать, что в Туве будут сделаны соответствующие выводы, приняты решения, а значит, усилится сегрегация внутри тувинского общества и обострится внутривластная обстановка.

На IX съезде ТНРП, прошедшем с 20 февраля по 10 марта 1932 г., была вынесена резолюция по докладу о мировом революционном движении и социалистическом строительстве в СССР, обсуждена японская интервенция в Маньчжурию. Было объявлено, что «некапиталистическое развитие Тувы и Монголии теснейшим образом связано со страной пролетарской диктатуры, с системой побеждающего социализма. Всякое военное выступление империалистов против СССР одновременно будет и выступлением против революционной Тувы и Монголии, против

некапиталистического развития этих стран, за колониальное закабаление трудящихся Тувы и Монголии» [28, с. 15].

Съезд призвал бдительно наблюдать за феодалами, ламами, баями и решительно пресекать всякие попытки с их стороны выступить против диктатуры народа и завоеваний революции. Было отмечено, что феодально-ламские и байские элементы в 1930 г. сделали попытку вооруженным путем свергнуть аратскую диктатуру, чтобы направить развитие народного хозяйства по капиталистическому пути [29]. С ними нужно бороться, в том числе через усиление работы среди тувинских женщин. «Слабая работа среди трудящихся женщин создает почву для враждебной аратской диктатуре агитации. Должна быть обеспечена активная работа каждой ячейки партии, ревсомола, органов управления по работе среди женщин, подготовке из них новых кадров, выдвижению их в органы руководства» [30].

Через год после этого съезда данный вопрос получил неожиданный поворот. Был подвергнут критике левачий перегиб в решении многих вопросов развития ТНР, включая религиозную проблему. В партийном руководстве произошли изменения: заболевшего И.Ч. Шагдыржапа на посту генсека в 1932 г. стал замещать второй секретарь ЦК ТНРП С.К. Тока (он стал первым лицом в ТНРП в 1933 г., но не в качестве генсека, а в качестве председателя Президиума ЦК ТНРП).

В октябре 1933 г. прошел II чрезвычайный объединенный пленум ЦК и ЦКК ТНРП. В своем докладе С.К. Тока раскритиковал проводимую до 1929 г. политику, «направленную против независимости страны и интересов широких народных масс, на смыкание с империалистическими государствами, а внутри страны не вело борьбы с контрреволюционными феодальными элементами и не заботилось о поднятии материального и культурно-политического уровня аратов» [31, с. 4]. Также он указал, что во внутренней политике ЦК ТНРП и правительство допустили за этот период ряд политических и практических ошибок. Наряду с ошибками в проведении сплошной коллективизации, неверной налоговой и кредитной политикой и многими другими перегибами были отмечены перекосы в религиозной сфере. «Борьба против реакционных высших лам (теократов), сторонников феодальных элементов, нередко подменялась издевательством над религиозными чувствами населения (административное закрытие хуре, аресты лам и шаманов, исполнявших религиозные обряды, высмеивание аратов, соблюдающих религиозные обряды, что в значительной степени увеличивало отрыв партии и правительства от низших слоев ламства и верующего аратства и укрепляло влияние на них феодальных элементов страны» [32].

Было заявлено, что «борьба с верхушечными контрреволюционными слоями ламства ни в коем случае не должна носить характер издевательства над религиозными чувствами населения, что толкало бы низшие слои ламства и верующее население в сторону контрреволюционных феодалов и теократов. Каждый арат может вполне свободно выполнять религиозные обряды по своему собственному усмотрению. Религиозность ни в коем случае не может быть причиной исключения из рядов НРП. В то же время партия не отказывается от воспитательной и разъяснительной работы среди ее членов по борьбе с религиозными предрассудками. Партия будет вести решительную борьбу с теми, кто использует религию в целях контрреволюционных, в целях подрыва независимости Тувинской народной республики» [33].

В 1936 г. тональность политического руководства в «ламском вопросе» вновь меняется. На X съезде ТНРП, прошедшем с 1 по 11 ноября 1936 г., С.К. Тока сделал доклад о политической и организационной работе ЦК ТНРП. В итоге съезд постановил в числе других решений, что религия – это пережиток феодализма, который используется врагами национальной революции с целью затемнить сознание аратских масс, и члены ТНРП должны добиваться преодоления религиозных предрассудков [34, с. 9].

Японская агрессия в Азии повлияла на официальные формулировки ТНРП относительно оценок деятельности буддийских лам в Туве. К 17-летию национальной революции были выпущены тезисы ЦК ТНРП, в которых было сказано, что до 1929 г. во власть проникали правые феодалы-теократы, которые пытались продать Туву японскому империализму. Их победил тувинский народ, который выбрал своих истинных представителей, укрепив тем самым тувинскую национальную революцию [35, с. 17].

Тезис о предателях, которые якобы продали или хотели продать страну, стал основным обвинением против «группы Чурмит-Тажы», члены которой обсуждали вопрос о том, что С.К. Тока должен быть смещен с поста генсека ЦК ТНРП.. Группа тувинских руководителей была обвинена в том, что «ставила перед собой задачи свергнуть революционный порядок ТНР, ее правительство и партию, объединить Туву, Монголию, Хакасию, Ойротию, и организовать во главе капиталистическое правительство, затем на правах колонии передать его Японии». Однако на самом деле такой организации в Туве не было, как и таких задач у вышеуказанных лиц. Это была борьба за власть и расправа над противниками, которую проводил С.К. Тока. Членов группы репрессировали, 2 из 9 были расстреляны в 1938 г.

Возвращаясь к теме социализации тувинских женщин, отметим, что им в силу сложившейся практики отсутствия женского монашества были недоступны знания в области буддийской философии, логики, эпистемологии, у них не было возможности активного познания разных степеней буддийского учения. Соответственно, женщины не имели доступа к образованию, поскольку существовало лишь мужское монастырское образование. В исторической литературе также нет каких-либо данных о мирянках-тувинках, принявших буддийские обеты начального этапа. Как было указано выше, политика цинских властей также ограничивала посвящение женщин в монахини. Эти факты важны для понимания того, что глубокого проникновения канонического, догматического учения буддизма среди женщин не было.

Вместе с тем можно предположить, что мирская этика буддизма влияла на поведение женщины в семье, на отношения с мужем и родственниками. Скромность, уважение к старшим, мужу, духовным лицам, домашний труд для благополучия семьи – таким был желательный образ женщины. В антирелигиозной пропаганде ТНРП, нацеленной на построение секулярного государства, активно использовался тезис о том, что буддийская религия лжива, пуста, веками держит тувинскую женщину в темноте и невежестве. Поэтому нужно было разоблачить истинную сущность религии и «освободить» женщин из-под влияния лам и их учения.

Возможно, из-за того, что тувинские женщины были отчуждены от духовной жизни в монастырских условиях, многоступенчатого буддийского посвящения и образования, а также из-за распространения патриархальной формы буддизма, новой власти в Туве было нетрудно достаточно эффективно удалить из их социальной практики назидания лам и религиозные ритуалы. Взамен предлагался образ свободной, эмансипированной женщины, которая не должна ограничиваться домашним трудом, уходом за скотом и заботой о детях, а может получать светское образование, участвовать в государственных и партийных делах, иметь доступ к наемному, оплачиваемому труду. Однако потеря морально-этической регуляторной функции буддизма, особенно в семейной жизни, имела негативные последствия для последующих поколений, стала одной из причин нарушения баланса мужского и женского начал в семье, превалирования женщин, а также потери духовных ориентиров в целом.

Завершая наше исследование, отметим, что антирелигиозная борьба ТНРП по сути была межэлитной борьбой за власть, влияние, траекторию развития тувинского государства. Для этого существовал ряд причин, в том достаточно серьезный экономический потенциал ламства и монастырских хозяйств, их доминирование в духовно-религиозной сфере, образованность, знание иностранных языков, мобильность (нередко ламы получали духовное образование в Монголии и Тибете), политический опыт контактов с китайцами, монголами, русскими в дореволюционный период, участие в политике и управлении государством в первые годы независимой Тувы, тяготение к Монголии, имевшее место в первые годы суверенной Тувы и во многом обусловленное историческим подчинением институту монгольского богдо-гэгэна.

Безусловно, этот комплекс факторов представлял угрозу для ТНРП, ориентированной в своей практической деятельности на инструкции и рекомендации Коминтерна, который выступал для молодого тувинского государства главным «мозговым центром» по выработке политических шагов. Поэтому партийное руководство стремилось подорвать социальную основу ламства и буддийской религии. В этой связи проводилась отдельная антирелигиозная пропаганда среди тувинских женщин, увязывающая их трудный быт, невежество, «угнетенность» с деятельностью лам и их «вредного» учения, более того, женщины должны были стать активными участниками этой борьбы. В условиях немногочисленности тувинского народа женщины были человеческим ресурсом, прежде всего, трудовым, который нужно было быстро и массово вовлекать не только во внутривнутриполитическую борьбу, но и в экономику страны. В этой связи борьба шла со всем, что могло сдерживать процесс эмансипации, в том числе с ламами и религией. Внутренние политические процессы (чистка рядов ТНРП и ТРСМ, борьба между правыми и левыми, в результате которой из политики выбывали группы лиц, политические репрессии и т. д.) расширяли каналы привлечения женщин в партию и органы власти.

Ссылки:

1. Монгуш М.В. Ламаизм в Туве. Кызыл, 1992. 139 с.; Монгуш М.В. История буддизма в Туве. Новосибирск, 2001. 199 с.; Хомушку О.М. Религия в культуре народов Саяно-Алтая. М., 2005. 226 с.
2. Аранчын Ю.Л. РСТК и ТНР // Великий Октябрь и проблемы новейшей истории Тувы. Кызыл, 1977. С. 72–89; Доржу З.Ю. Женщины Тувы: от прошлого к будущему. Кызыл, 2008. 118 с.; Забелина В.А. Женщины освобожденной Тувы в борьбе за новую жизнь (1921–1944 гг.) // Великий Октябрь и проблемы новейшей истории Тувы. С. 90–104; Забелина Г.А. Женщины Тувы в семье и обществе в первой половине XX века. Кызыл, 2010. 118 с.
3. НА РТ (Национальный архив Республики Тыва). Ф. 115. Оп. 1. Д. 283.
4. НА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 295. Л. 1 об.
5. НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

6. Там же.
7. Tiva arad-un hubisɣaltu nam-un naymaduɣar yeke hural un tobči toɣtaɣal (на монгольском языке) (Постановление VIII съезда ТНРП). Кызыл, 1929.
8. Tiva arad-un hubishaltu nam-un kešigüd-i šilɣaɣu ba ceberlekü tuhai dziraburi (на монгольском языке) (Инструкция по проведению чистки членов ТНРП). Кызыл, 1929. 17 с.
9. Там же. С. 3.
10. Там же. С. 16.
11. Очерки истории Тувинской организации КПСС. Кызыл, 1975. 405 с.
12. Постановление VIII съезда ТНРП. С. 35–44.
13. Там же. С. 42.
14. Tiva arad-un hubisɣaltunam-unmöngönkötölbüri (на монгольском языке) (Программа ТНРП). Кызыл, 1929. 30 с.
15. Там же. С. 17.
16. 1930 duɣar on 11 sarayin 4 – u edüre ekelen huralduɣsan Tiva arad rispublig-un burin erke-ber doloduɣar yeke hural –un tobči toɣtaɣal (на монгольском языке) (Краткое постановление VII Великого Хурала ТНР). Кызыл, 1931. 101 с.
17. Там же. С. 44–47.
18. Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года. М., 1933. 168 с.
19. Bükü Tiva-yin emegteiyüdü-ün jokiyan bayıyuluqçı-nar ba idebgitei gešegüd-ün angqaduɣar hural-un tobči toɣtaɣal (на монгольском языке) (Краткое постановление первого всетувинского организационного собрания женщин и активисток). Кызыл, 1930. 26 с.
20. Там же. С. 15.
21. Там же. С. 17.
22. Naiydanova D. Emegteiyüdü-ün dotor-a yabuɣulhu ajil-un kötölbüri ba nam-un dzorılɣa (на монгольском языке) (План работы среди женщин и задачи партии). Кызыл, 1931. 64 с.
23. Там же. С. 30–32.
24. Там же. С. 34–35.
25. Тъванъ Revolustuq Аньжактагънъ Евилелинъ V tugaar uluq Хуралънъ Toktaalъ. Тъва куруненинъ ном согаадъгъ сери (на тувинском языке) (V съезд Ревсомола ТНР). Кызыл, 1931. 52 с.
26. История Тувы: в 2 т. Т. 2. М., 1964. 455 с.
27. КІКК Сөөп сук секретариадинден келген сагаа (на тувинском языке) (Письмо Коминтерна IX съезду ТНРП). Кызыл, 1932. 17 с.
28. Резолюции IX съезда ТАРП (20 февраля – 10 марта 1932 г.). Кызыл, 1932. 83 с.
29. Там же. С. 19.
30. Там же.
31. Резолюции II чрезвычайного объединенного пленума ЦК и ЦКК ТНРП (22–28 октября 1933 г.). Кызыл, 1933. 37 с.
32. Там же.
33. Там же.
34. Резолюции X съезда ТНРП (1–11 ноября 1936 г.). Кызыл, 1937. 52 с.
35. ТАР 17-сълöjunga АРН ТК – нъл undurgen tezizi (на тувинском языке) (Тезисы ЦК ТНРП к 17-й годовщине ТНР). Кызыл, 1938. 53 с.

Редактор, переводчик: Арсентьева Ирина Ильинична